Т. Е. АВТУХОВИЧ

АНОНИМНЫЙ РОМАН «НЕСЧАСТНЫЙ НИКАНОР»

(Эпизод из истории формирования жанра)

Для истории литературы несомненный интерес представляют произведения массовой, низовой литературы XVIII в. Книги эти, как правило, создавались непрофессионалами — людьми, которые были в сущности тончайшими барометрами эпохи, поскольку историческую действительность ощущали на себе непосредственно, без влияния высоких философских или политических теорий.

Одним из таких сочинений является анонимный роман «Несчастный Никанор, или Приключение жизни российского дворянина Н***». На протяжении нескольких десятилетий он пользовался популярностью, оставаясь живым явлением литературы еще в начале XIX в. И хотя уже современники воспринимали его несколько иронически (например, для Н. М. Карамзина книга олицетворяла ту линию литературного развития, которая противостоит серьезной, «высокой» прозе: «Надо всякому что-нибудь поближе: одному Жан-Жака, другому — Никанора»),[1] роман и сегодня представляет интерес как эпизод из истории формирования жанра.

Дело в том, что роман печатался в течение четырнадцати лет (первая часть появилась в 1775 г., вторая — в 1787 г., и еще через два года, в 1789 г., была опубликована третья часть). Почти полтора десятилетия, разделяющие начало и окончание создания и публикации этого произведения, наложили ощутимый отпечаток и на решение основной проблемы произведения, и на его поэтику. Последовательный анализ позволяет увидеть, как сложно взаимодействуют здесь различные традиции и влияния, как переосмысливаются традиционные, на первый взгляд, сюжетные мотивы, как изменяются представления автора о мире и человеке. Выявление специфики изображения человека через анализ взаимоотношений героя с окружающим миром помогает осознать пути формирования в XVIII в. жанра романа, так как именно новое содержание (новое

---

[1] *Карамзин Н. М.* О книжной торговле и любви ко чтению в России // Карамзин Н. М. Сочинения: В 2 т. Л., 1984. Т. 2. С. 119.

© Т. Е. Автухович, 1991

художественное представление о мире и человеке) служит важнейшим жанрообразующим фактором. Данная работа и является попыткой такого последовательного анализа. Следует отметить также, что несомненное биографическое начало, которое выделяет роман «Несчастный Никанор» среди достаточно условных произведений романного жанра XVIII в., позволяет рассматривать его не только как литературный памятник, но и как ценный документ, зафиксировавший мироощущение рядового человека.

Двойственность природы этого романа, соединяющего биографический элемент с условным, уже отмечалась в литературоведении. В. Б. Шкловский указывал и на некоторые противоречия в документированной части «Несчастного Никанора».[2] Имеющиеся у нас материалы позволяют частично осветить историю его создания.

Итак, первая часть книги, вышедшая в 1775 г., летом 1776 г. появилась в книжных магазинах: 15 июля в Прибавлениях к «Санктпетербургским ведомостям» впервые было напечатано объявление о том, что «в Луговой Миллионной улице у книгопродавца К. В. Миллера» продается роман «Нещастный Никанор». Книга, очевидно, расходилась с трудом, потому что аналогичное объявление появилось в газете и осенью — в Прибавлениях от 21, 25 и 28 октября.

Автор между тем остро нуждался в деньгах, о чем свидетельствует объявление, появившееся тоже в октябре: «Желающие напечатать на свой кошт третей и четвертой вечер Никаноровой истории могут получить подлинные оригиналы от типографщика Шпора, понеже сочинитель оные уступает без всякой себе за труд платы; так же и корректуру править безденежно будет он же сочинитель, которой жительство имеет в Семеновском полку в 12 роте в 4 номере».[3]

Данное объявление интересно не столько как свидетельство драматических обстоятельств в жизни безвестного автора «Несчастного Никанора», сколько как повод задать закономерный вопрос: если вторая часть романа была написана уже к осени 1776 г., то почему она была напечатана только 11 лет спустя, и не в Петербурге, а в Москве? Безусловно, последнее обстоятельство можно объяснить и тем, что типография Артиллерийского корпуса, отданная в 1773 г. на откуп типографщику Клейну, где печаталась первая книга, в 1784 г. была уничтожена (по ветхости станков и литер).[4] И все же почему именно в Москве и лишь в 1789 г. выходит новое издание, в котором к первым двум частям, исчерпавшим возможности первоначального романического сюжета, добавляется еще и третья, ориентированная (как это будет показано ниже) на

---

[2] *Сиповский В. В.* Очерки из истории русского романа. СПб., 1910. Т. 1, вып. 2. С. 696; *Шкловский В. Б.* Матвей Комаров, житель города Москвы. Л., 1929. С. 277—278.

[3] Санктпетербургские ведомости: Прибавления. 1776. № 82, 11 окт.

[4] Историческое обозрение 2-го кадетского корпуса. СПб., 1882. С. 122.

иную литературную традицию, дающая в сущности новое представление о герое?

В ноябре 1776 г. в «Санктпетербургских ведомостях» появилось объявление: «В квартире поручика Назарьева, которую он имел в Семеновском полку, учинилась пропажа, а именно: образ Николая Чудотворца, риза кованая серебряная и вызолоченная, да денег серебряных 13 руб., ассигнация дватцати пяти рублевая и со оной вместе были его Назарьева некоторые сочинения, для него весьма нужныя; и если кто оныя сочинения каким бы то ни было образом отъищет или подкинутыя где найдет, то б без всякого опасения ему, Назарьеву, объявили; ибо он не только что ничего кроме оных сочинений искать не будет, но еще наградит того отискателя 20-ю рублями; а ныне он, Назарьев, имеет квартиру в Малой Подьяческой в доме досмотрщика Ивана Фролова».[5]

Стиль этого объявления, характерные синтаксические конструкции, напоминающие стиль «Несчастного Никанора», некоторые сходные детали (Семеновский полк, рукопись 2-й книги и украденные бумаги) позволяют предположить, что в обоих приведенных нами объявлениях речь идет об одном и том же человеке и что поручик Назарьев и есть автор «Несчастного Никанора».

Нельзя не заметить, что число букв в фамилии поручика (в родительном падеже) соответствует числу звездочек в названии. На титульном листе издания 1775 г. читаем: «Нещастной Никанор, или Приключение жизни россійского дворянина, господина*********». В издании 1787 г. это число сохраняется, хотя название звучит несколько иначе: «Несчастной Никанор, или Приключение жизни российского дворянина Н********». Если в первом издании звездочки скрывают фамилию автора, то во втором — фамилию героя. В издании 1789 г. число звездочек уменьшилось, название читается так: «Несчастной Никанор, или Приключение жизни российского дворянина Н*******». В данном случае сокращение либо соответствует фамилии, либо — что более вероятно — указывает на его условный, отвлеченный от конкретного лица характер. Возможно, имеется в виду уже иной автор (если принять во внимание объявление о пропаже бумаг).

Безусловно, это совпадение не является решающим аргументом, поэтому мы обратились к истории рода Назарьевых. В материалах Герольдмейстерской конторы в 40—50-е гг. XVIII в. значится много Назарьевых. Часть из них служила в армии, но в пехотных полках; часть занимала скромные должности в канцеляриях. И все же среди них оказался некий Александр Петрович Назарьев, который, как и герой романа Никанор, был кондуктором Инженерного корпуса и судьба которого, судя по документам, прямо соотносится с судьбой героя романа.

В ЦГВИА сохранился любопытный документ: «1746 году февраля 2 дня инженерного корпуса 3 класа кандуктор Александро

---

[5] Санктпетербургские ведомости: Прибавления. 1776. № 91, 11 ноября. Это же объявление повторялось и в Прибавлениях к № 92, 93.

Петров сын Назарьев по силе указа канцелярии Главной артиллерии и фортификации объявил от роду мне двадцать два года. В службе Ея императорского величества определен недорослем по указу высоко правительствующего Сената в прошлом 743 году мая 3 дня (с жалованьем) во инженерную школу в 3 клас, в ученики с жалованьем по штату и будучи во оном обучен арифметике геометрии и часть фортификации а 745 году декабря 10 дня его светлостию генералом фельдцейхмейстером и ковалером князь Василием Аникитичем Репниным произведен в третей клас кандуктором з жалованьем по штату. Отец мой служил в гвардии салдатом из шляхетства в Алаторском уезде за отцом моим сколко мужеска полу душ не известен. В фергерах и крикерелтах и штрафах ни по каким делам не бывал в командировании и в походех нигде не бывал и в сей скаске объявил самую сущую правду ничего не примешивая а ежели что показал ложно подвергаю себя штрафу какому по указу достоин буду. К сей скаске кандуктор Александр Назарьев руку приложил».[6]

Такие сведения были собраны о всех офицерах инженерного корпуса. В «сказке» А. П. Назарьева ценно упоминание об имеющихся за его отцом крестьянах в Алаторском уезде.[7] Дело в том, что герой романа Никанор говорит, что его отец живет «в своем селе в Нижегородской губернии», крепостная Никанора Наташка, рассказывая барину о себе, упоминает, что она родилась «в Алаторской вашей вотчине в селе Саре» (III, 18).[8] Материалы второй ревизии (1744 г.) по Алаторскому уезду свидетельствуют о том, что отец А. Назарьева, Петр Назарьев, имел крестьян в селе Саре Алаторского уезда.[9]

Архивные материалы позволяют уточнить биографические данные А. П. Назарьева. В документах Герольдмейстерской конторы ЦГАДА хранится его «биография», заполненная в марте 1743 г., когда проводился смотр недорослей для определения в воинскую службу: «Александр Петров сын Назарьев 18 лет. Прадед Патрекей Никитин сын, дед Илья Патрекеев сын Назарьев служили

---

[6] ЦГВИА, ф. 826, оп. 2, д. 122, л. 302 (Сказки генерал, штаб и обер офицеров инженерного корпуса о службе и их происхождении). — Данные ЦГВИА подтверждаются материалами «Именного списка инженерного корпуса и минерной роты штаб обер и ундер офицерам, учиненного со взятых во всех сказок», находящегося в Архиве Музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ф. 2, оп. ШГФ, д. 905, л. 77, об.—78).

[7] Город Алатырь, о котором идет речь, с 1719 по 1780 г. входил в Нижегородскую губернию.

[8] Здесь и далее текст романа цитируется по изд.: Несчастный Никанор, или Приключение жизни российского дворянина Н***». М., 1789. Ч. 1—3. Римская цифра обозначает часть, арабская — страницу.

[9] ЦГАДА, ф. 350, оп. 2, ед. хр. 38, л. 117. Судьба отца А. Назарьева тоже достаточно интересна. Он служил в Преображенском полку, был ранен, ему отняли ногу «по берцо», отставлен «с пашпортом», который был украден у него «воровскими людьми». С 1720 г. служил земским комиссаром в Нижегородской губернии, с 1739 г. был при взыскании доимок с раскольников (этим, очевидно, мотивировано упоминание в третьей части о знакомстве героя с раскольнической верой). См.: Там же, д. 249, л. 825, 833.

во дворянех и в давних годех померли, а отец ево Петр Ильин сын Назарьев служил в гвардии салдатом и отставлен в 704 году за раною и по отставке был у разных дел, а в 742 по резолюции сенацкой за старостию отставлен вовсе и дан ранг прапорщичий и ныне обретается в доме своем а испомещен в алатырском уезде <. . .> Крестьян за отцом его в алатырском уезде в арзамасском уезде 275 душ дядьев и братьев родных не имеет, а что они из дворянства ведает и во свидетельство подписался лейб-гвардии Преображенского полку прапорщик Михаил Назарьев. Грамоте и писать обучен. Желает в гвардию Преображенский полк в салдаты».[10]

В Преображенский полк Александру Назарьеву попасть не пришлось. Правительствующий Сенат в апреле 1743 г. определил его в инженерную школу,[11] а 3 мая того же года А. Назарьев вступил в службу; в чин кондуктора 3 класса произведен 10 декабря 1745 г.

Сопоставление текста романа с данными документов, с одной стороны, подтверждает, что именно жизнь Александра Назарьева стала канвой биографии героя романа Никанора, с другой — позволяет увидеть, как скрупулезно автор соблюдает историческую основу событий. Почти весь фактический материал первых двух частей произведения может быть документирован, причем — и это следует подчеркнуть особо — автор, излагая перипетии судьбы своего героя, почти нигде не грешит против реальной хронологии событий, хотя вся хронология остается за рамками повествования.

«Я в самых цветущих моих летах командирован был из Санктпетербурга в Цесарию к назначенной в то время компании и, приехав в город Ригу, находился под командою господина Генерал Фельдцейхмейстера князя Репнина, где ожидали все полки повелительного о походе указа. Служил я тогда кондуктором в инженерном корпусе. . .» (I, 9).

В марте 1746 г. А. Назарьев, кондуктор 3-го класса, отправлен из Санкт-Петербурга в Ригу «для будущей компании».[12] В именном списке инженерного корпуса значится, что А. Назарьев в 1747 г. был «в компании».[13] В. А. Репнин в 1747 г. «объехал все крепости западного края (в том числе и Ригу.— *Т. А.*) <. . .> и привел их в совершенное устройство».[14]

В романе упоминаются товарищи Никанора кондукторы Александр Федорович Бриммер, Шв., Данила О.

В именном списке инженерного корпуса в 1747 г. «в компании» в Риге наряду с А. Назарьевым значатся кондукторы Александр Федорович Бриммер, Петр Швапвиц, Данила Озеров.[15]

«По прошествии нескольких дней приехали мы благополучно на остров

В именном списке инженерного корпуса за 1746 г. против фамилии

[10] Там же, ф. 286, д. 269, л. 536.

[11] Там же, ф. 286, д. 269, л. 574.

[12] Рапорт «О состоянии при Санктпетербурге инженерного корпуса минерной роты и санктпетербургской крепости служителей» от 8 марта 1746 г. // Архив Музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, ф. 2, оп. ШГФ, д. 582.

[13] ЦГВИА, ф. 826, оп. 2, ед. хр. 1141, л. 154, об.

[14] Столетие Военного министерства. СПб., 1902. Т. 6, кн. 1. С. 201.

[15] ЦГВИА, ф. 826, оп. 2, ед. хр. 1141, а также ед. хр. 214.

Езель в крепость Аренсбургскую <. . .> Посланы мы были для снятия плана. . .» (I, 171).

«И так приехав я в Санктпетербург, явился к Полковнику своему Илье Александровичу Бибикову» (II, 27).

«Кто такие офицеры и кондукторы находятся при Смоленской инженерной команде, между которыми в то время находились двое знакомых мне кондукторов, князь Петр Иванович Козловский и Иван Егорович Голенищев-Кутузов» (II, 56).

«Между прочими присутствующими в той конторе находился тогда судьею господин артиллерии полковник Матвей Андреевич Толстой» (II, 56); «Племянник отцу моему (отвечал я) подполковник Иван Иванович Свечин, который в Кригск-комиссариате присутствует» (II, 61).

«. . .сделали определение, чтоб уволить меня для рекреации в дом отца моего на два года. . .» (II, 85).

А. Назарьева сделана позднейшая запись: «. . .в 747 году (из Риги.— *Т. А.*) в Аренсбурх».[16]

И. А. Бибиков стал полковником в 1741 г.; согласно указу от 25 апреля 1749 г., он уже генерал-майор.

П. И. Козловский и И. Е. Голенищев-Кутузов действительно значатся в это время кондукторами в списках Инженерного корпуса. Известно также, что в марте 1747 г. в Смоленск из Санкт-Петербурга командирован кондуктор Иван Голенищев-Кутузов, о чем А. Назарьев мог знать.[17]

И. Свечин действительно служил в Москве при «камисариатской канторе», чин полковника получил 8 мая 1749 г.[18] В 1748 г. полковник М. А. Толстой — в присутствии Московской конторы артиллерии и фортификации, но с 22 апреля 1749 г. он уже генерал-майор.[19]

Последняя точная запись об Александре Назарьеве в именных списках инженерного корпуса гласит, что 7 октября 1748 г. ему присвоен чин кондуктора 2-го класса.[20] Уже в списках за 1749 г. А. Назарьев не значится, нет его фамилии и в списках 1751 и 1753 гг.

Сразу уточним, что такому документированию поддаются только первые две книги романа. Известные нам документы позволили проследить историю жизни А. Назарьева только до 1748 г. После 1748 г. его фамилия исчезает из списков инженерного ведомства; не удалось найти ее и в списках Семеновского полка за 1775—1776 гг. (вспомним объявление в «Санктпетербургских ведомостях»).

Думается, что это закономерно. Ибо если верно, что книга представляет собой романизированный вариант биографии конкретного человека, А. Назарьева, то содержание третьей части и романного обрамления, т. е. историю о том, как Никанор, постепенно придя в нищенское состояние, в конце концов стал приживалом, можно рассматривать как своеобразный «документ», в котором так или иначе судьба его отразилась. Согласно этому «документу», А. Назарьев, выйдя в отставку и став частным лицом,

---

[16] Архив Музея Артиллерии, инженерных войск и войск связи, ф. 2, оп. ШГФ, д. 905, л. 77, об.—78.

[17] Там же, д. 582.

[18] ЦГВИА, ф. 490, ед. хр. 623, л. 57, об.

[19] Столетие Военного министерства. Т. 6, кн. 1. С. 206. Здесь, как видим, автор несколько погрешил против хронологии.

[20] ЦГВИА, ф. 286, оп. 2, ед. хр. 1141, л. 219, об.

не мог, следовательно, фигурировать в списках лиц, находившихся на государственной службе.

Как бы то ни было, все наши попытки хоть как-то прояснить дальнейшую судьбу А. Назарьева и установить его отношение к поручику Семеновского полка Назарьеву оказались безрезультатными, т. е. вопрос об авторстве романа остается открытым. Был ли автором «Несчастного Никанора» сам А. Назарьев или же кто-то из его дальних родственников либо однофамильцев, хорошо знавший судьбу бывшего кондуктора? Почему вторая часть, написанная вместе с первой, была напечатана только через 12 лет? Кто является автором третьей части,[21] достаточно искусственно продолжающей роман и противоречивой по угадываемому в ней реальному биографическому содержанию (например, Никанор, получивший чин поручика, в конце книги говорит, что служил в армии капралом; не имевший, как и реальный Назарьев, родных, он в третьей книге разоряется благодаря проискам двоюродных сестер и т. д.)? Ответить на эти вопросы сегодня — по прошествии двух столетий — достаточно сложно. И все же, на наш взгляд, найденный материал представляет интерес не только потому, что он подтверждает высказывавшуюся ранее на уровне предположения мысль о биографической основе романа, но и потому, что позволяет обратиться к решению других проблем, уже собственно теоретического и историко-литературного характера.

* * *

Несомненный интерес представляет проблема взаимодействия в романе «Несчастный Никанор» документального и собственно романического пластов.

Известно, что для русской литературы середины XVIII в. характерны интенсивное взаимодействие и типологическая близость документальных и беллетристических жанров. Уже в 60-е гг. роман включал автобиографический материал (Ф. Эмин) или же имитировал мемуарное повествование (М. Чулков); параллельно осуществлялась мемуаризация документальных повествований. Как указывает М. Я. Билинкис, это происходило потому, что «центром» подобных прозаических сочинений, главным предметом обрисовки и своего рода «точкой отсчета» становилось авторское «я»; кроме того, утверждался эстетический статус новой реальности — эмпирической — и именно с целью ее художественной легализации «имитация документальности становилась сознательно используемым писателем приемом».[22]

---

[21] Отметим, что, высказывая сомнение в едином авторстве трех частей книги, мы в дальнейшем будем анализировать роман как единое произведение, так как, с одной стороны, нашу версию доказать пока невозможно, с другой — роман сегодня существует как целое, а значит, возможен его последовательный анализ.

[22] *Билинкис М. Я.* Взаимоотношения документальных жанров и беллетристики в русской литературе 60-х годов XVIII века: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Л., 1979. С. 26.

Думается, что в романе «Несчастный Никанор» (который создавался уже в 70—80-е гг.) этот процесс получает дальнейшее развитие и приобретает новое качество. С одной стороны, в романе отразилась основная тенденция развития прозы в XVIII в., заключавшаяся в отделении автора от героя, а значит, в утверждении собственно эстетической функции литературного произведения. Об этом свидетельствует как форма повествования, разворачивающегося в двух временных пластах (*автор* рисует *настоящее* героя, постаревшего, опустившегося до положения «приживала» в богатом доме, а *герой*, вспоминая *прошлое*, рассказывает о своих злоключениях), так и использование биографического материала. С другой стороны, в романе происходит переосмысление сущности романного вымысла, что отчетливо прослеживается при последовательном анализе соотношения условных литературных мотивов и собственно биографических элементов в каждой части.

Романический сюжет первых двух книг вполне традиционен и хорошо знаком по рукописным повестям начала века: встреча героев, испытание разлукой, чары соперницы, встретившись с которой, герой едва не забывает о любимой, и т. д. Первая часть традиционна и в плане поэтики, через повести начала XVIII в. восходящей к фольклору: завязка (плачущая девушка привлекает внимание героя), некоторые элементы сюжета (переодевания героини), парная система образов (злодею, тиранящему красавицу, противостоит добрый человек, помогающий влюбленным; любимой девушке — разлучница), топика (река разделяет мир на сферы добра и зла; остров Даго — остров забвения: заграница, где укрывается от опасности Анета, — своеобразное «тридесятое царство» и т. д.), «заграничное» происхождение героини. Условная стихия уже в первой части вступает в сложное взаимодействие с историей жизни реального человека. Повествование о реальном герое в условных обстоятельствах (вымышленной, чисто литературной является, очевидно, история любви Никанора к прекрасной француженке Анете) претендует на достоверность. Биографические сведения, вводимые в роман, форма повествования от первого лица выявляют авторскую «установку на подлинность»,[23] которая, однако, носит ограниченный характер и не разрушает условно-литературной картины мира. Реальные впечатления о быте и нравах жителей Риги, о самом городе, где происходит действие, не проникают в рассказ героя.[24] Представление автора о романе как о «вымысле», как о любовной истории полно-

---

[23] *Гинзбург Л. Я.* О психологической прозе. Л., 1979. С. 9.

[24] Интересную параллель роману представляют «Записки артиллерии майора Михаила Васильевича Данилова, написанныя им в 1771 году» (М., 1842). Судьба М. Данилова во многом сходна с судьбой А. Назарьева, в частности он почти в то же время (в 1753 г.) служил в Риге. В «Записках» Данилов подробно рассказывает о непривычных для него традициях, обычаях рижан, т. е. отражает именно *внешний мир*, который в первой части «Несчастного Никанора» лишь едва проступает сквозь условную, вымышленную картину действительности.

стью исключает использование жизненных впечатлений. Автор только как бы проверяет романический сюжет (вымысел) на достоверность, соотнося его с историей реального человека.

Сочетание литературного и жизненного определяет и принципы повествования о любовных переживаниях героев. Для романов середины XVIII в., как переводных, так и оригинальных, характерна невыявленность эмоциональной сферы любовных отношений героев — описание чувств обычно сводится к традиционным знакам. Литературная традиция используется и в «Несчастном Никаноре», автор которого был, очевидно, начитанным человеком: реминисценции ощутимы и в фольклорной поэтике первой части, и в описании галантного разговора Никанора с Елеонорой, и в эпизоде угощения героя яблоком с «райского» дерева; наконец, несомненна связь образа Елеоноры с образом «мудрой девы». С освоением поэтической традиции XVIII в. связан такой пассаж в рассказе героя: «Думаю, что не столь много действием своим перемещались в целом лете дышущая в моря ветры, и облаки не столько летая из края в край в подсолнечной обращениев своих имели, сколько волновались тогда мысли мои различными расположениями переходя из одного в другое» (II, 20—21). К литературной традиции восходят высокопарные монологи и бурные излияния чувств героев.

Однако в условный мир любви врывается живое человеческое чувство, придающее удивительную достоверность повествованию и свидетельствующее о знании автором человеческой психологии: любуясь спящей девушкой, Никанор целует «прелестной и чистейшим облакам подобной ея висок» (I, 68); перейдя границу и чувствуя себя уже в безопасности, он надевает перед сном кольцо с дарственной надписью Анете, словно желая быть ближе к любимой, и т. д.

Вместе с тем уже в первой части выявляется принципиальная несовместимость условного литературного сюжета с реальным жизненным опытом. Возможно, поэтому во второй части, рассказывающей о безуспешных попытках Никанора соединиться с Анетой, условная стихия полностью вытесняется историческим (может быть, биографическим) материалом. Герой встречается с реальными людьми, чьи фамилии и должности указываются в тексте. Повествование начинает походить на дневник, мемуары; традиционный литературный элемент минимален. И если первая часть представляет собой «романизацию жизни» (термин В. В. Сиповского),[25] то во второй книге происходит мемуаризация романа, причем настолько интенсивная, что выделить в ней традиционный литературный элемент или вымысел почти невозможно. В этом контексте даже вставная и явно литературного происхождения история несчастной женщины, насильно выданной замуж за старика, производит впечатление предельно достоверной.

---

[25] *Сиповский В. В.* Очерки из истории русского романа. СПб., 1910. Т. 1, вып. 1. С. 672.

Как уже говорилось выше, основная романическая линия исчерпывается к концу второй части: герой узнает, что возлюбленная его Анета погибла. Однако в 1789 г. появляется продолжение истории несчастного Никанора. Возможно, автор (или кто-то иной) решил использовать популярность книги; возможно, к дальнейшей работе его побудило стремление «сомкнуть» цепь времен, соединить прошлое героя с его настоящим, обрамление — с основным повествованием. Как бы то ни было, первые части составляют — даже при отмеченном изменении поэтики — законченное сюжетное целое. Третья часть — это по существу новый роман, лишь формально (судьбой и именем героя, а также двуплановым принципом повествования) связанный с основной частью.

В третьей части взаимодействие реального жизненного материала с условно-литературным осуществляется уже по иным законам, меняется и представление о вымысле. Еще В. Б. Шкловский отметил, что в мир документированной реальности вдруг врывается «инерционная стихия» — появляются сугубо условные имена: Смирена, Правосуд, Огорчена.[26] Думается, эту мысль следует развить. Предметом изображения в третьей части становится условный герой в реальных обстоятельствах. Автора интересует не столько «жизнь сердца» Никанора (хотя и этому по-прежнему уделяется много внимания), сколько изображение общественных нравов. Происходит освоение внешнего мира, создается масштабная картина жизни, охватывающая быт и нравы разных социальных слоев: городской демократической среды, сельских помещиков, крестьян, раскольников и т. д. Жизненные факты, впечатления автора уже не связываются с конкретными фамилиями и датами — они приобретают статус эстетической реальности.

В свою очередь и образ главного героя утрачивает биографические черты. Фактические неточности и противоречия в содержании третьей части, отмеченные выше, вполне закономерны. Они объясняются тем, что если в первой книге судьба Никанора — это реальная человеческая судьба, то в третьей части он оказывается таким же условным героем, как окружающие его Правосуд, Огорчена, Полентина, героем, призванным быть композиционным стержнем нравоописательного повествования. Однако вымысел (условность) теперь приобретает новое качество — в известной степени он становится средством художественного обобщения; романизированная биография превращается в бытовой роман.

Изменение соотношения между фактом и вымыслом в романе «Несчастный Никанор» соответствует реальному движению русской прозы XVIII в. от использования готовых литературных форм к отражению эмпирической действительности.

* * *

Документальная основа романа, соединение в нем биографического и традиционного литературного материала позволяют

[26] *Шкловский В. Б.* Указ. соч. С. 279.

поставить еще один важный для осмысления процесса формирования романного жанра вопрос: какова специфика авторского понимания реальных противоречий жизни? Проблема имеет и другой аспект: на какие литературные традиции ориентируется автор «Несчастного Никанора», рассказывая о жизни реального человека? Вопрос о традициях, использованных в романе, не нов. В качестве литературных источников указывались: рукописная повествовательная проза первой трети XVIII в. (В. В. Сиповский, Г. Н. Моисеева), «Похождения Жиль Блаза» Лесажа (Ек. Мечникова, В. Б. Шкловский, А. В. Западов), «Приключения маркиза Г.» Прево (Ек. Мечникова, Н. Н. Сакулин, В. В. Сиповский, В. Б. Шкловский), «Новая Элоиза» Руссо (В. Б. Шкловский). Однако выявление традиций зачастую сводилось к указанию на заимствование отдельных ситуаций, сюжетных мотивов.

На наш взгляд, проблема традиции должна рассматриваться на уровне концептуальном (если слово «концепция» применимо к эмпирическому восприятию жизни), типологическом. Между тем анализ авторских представлений о мире и человеке показывает, что автор «Несчастного Никанора» не только усваивает литературные традиции, но и (может быть, неосознанно) полемизирует с ними, ибо в его эмпирическом сознании реальная действительность и литература ощутимо противоречат друг другу.

В романе отразилось несомненно барочное мироощущение автора. Мир уже в первой части книги предстает как необъятная Подсолнечная, где человек блуждает в лабиринте жизни не в силах осознать ход событий.

Действительность в представлении автора романа иррациональна и потому непостижима. Все в жизни ненадежно, обманчиво, всем правит Случай: случай в лице пьяного солдата спасает Анету от убийцы; случайно хозяин дома оказывается старинным другом ее отца; нелепое стечение обстоятельств навеки разлучает влюбленных. Все поступки героев в первой части обусловлены их безотчетным страхом перед действительностью: «Нечаянные, часто приключающиеся мне злоключения заставляют меня всего бояться», — пишет Анета (I, 109). Отвечая ей, Никанор убеждает любимую в том, что она «убоялась одного только пустого страха тени» (I, 148). Нетрудно, однако, заметить, что такие же тени, порожденные ненадежностью мира, окружают его самого, причем героев пугают не столько реальные злодеи типа купца Гра или безымянного шкипера, сколько призраки, фантомы опасности, подстерегающие человека со всех сторон.

В мире, где правит Случай, человек теряет уверенность в своей безопасности. Вот почему герои постоянно пытаются предугадать события, однако их попытки обмануть судьбу приводят к противоположным результатам: Никанор, не будучи виновным в смерти человека, соглашается *на всякий случай* ехать в служебную командировку на о. Езель, чтобы не попасть под следствие, и тем самым еще больше отдаляет себя от Анеты. Шпангут *на всякий случай* отсылает девушку за границу, к надежному чело-

веку — и она оказывается недосягаемой для героя. Так уже в первой части романа намечается мысль о ненадежности человеческого разума, бессильного осмыслить и познать реальную действительность.

Выше уже отмечалось, что в поэтике первой части романа ощутимы традиции рукописной повести первой трети XVIII в. Не менее, на наш взгляд, ощутима и внутренняя полемика с этими традициями, которая проявилась прежде всего в новом понимании человека. Если герои первых русских повестей из столкновения с жизнью выходили «победителями» (определение Г. Н. Моисеевой) [27] и все приключения способствовали выявлению их гражданского и нравственного потенциала, а потому и повышению социального статуса (герои, стремясь к личному счастью, совершали еще и успешную служебную карьеру), то в представлении автора романа Никанор — «несчастный» герой, для которого все преграды фатально непреодолимы, его приключения становятся злоключениями, приводящими к жизненному краху.

Исходное единство человека и мира не разрушается превратностями на пути героев рукописных повестей. В барочном мироощущении автора «Несчастного Никанора» проблема «человек и мир» осмысляется как трагическое противоречие. Мысль о враждебности мира и человека становится основным сюжетообразующим мотивом романа. Вот почему уже в традиционной в целом поэтике первой части появляются новые, по сравнению с повестями, элементы: усиливаются роль Случая как двигателя сюжета и поступков героев, роль интуиции, необъяснимых совпадений, узнаваний; большее значение приобретает неожиданность (внезапная смерть героев). Герои сверхэмоциональны, что является следствием хаотичности мира и внешним выражением переживаемого душевного дискомфорта.

Трактуемая в первой части как идея Судьбы, фатального рока, правящего жизнью беспомощного человека, мысль о противостоянии человека и мира находит дальнейшее развитие и конкретизацию во второй части. Здесь в повествование вторгается исторический (биографический) материал, благодаря которому противостояние человека и судьбы переосмысливается как противостояние человека и государства.

Новое объяснение получают злоключения героя: судьбы людей вершит не безликая Судьба, не могущественное Провидение, а реальные люди, олицетворяющие государственную власть, бездушную и жестокую. Мир не перестает быть иррациональным, но иррациональность эта уже вполне земного, социального происхождения.

Основным состоянием Никанора становится теперь состояние сомнения и выбора. Не безотчетный страх перед жизнью мешает ему совершить желаемое, а борьба между чувством и долгом.

---

[27] *Моисеева Г. Н.* Русские повести первой трети XVIII века. М.; Л., 1965. С. 168.

Автор не прошел мимо художественного опыта высокой литературы классицизма. Однако основная коллизия классицистических трагедий «переигрывается» в романе, находит новое решение. Не в силах вынести разлуку с любимой, Никанор в который уже раз решает немедленно ехать за Анетой в Варшаву, но вдруг его останавливает мысль: «Ах! Нет! Я умру беззаконно, изменив Монархине своей и отечеству» (II, 21). Показательны его дальнейшие рассуждения: он пытается оправдать свое решение, доказывая себе, что в его поступке нет измены долгу. Автор провозглашает право героя на личную судьбу, на личное счастье — в противовес официальной литературе классицизма, которая нравственно возвышала героя, преодолевающего личные желания во имя общественного блага. Традиционные представления о долге, о подчинении частных интересов общим, по мнению автора романа, «не работают» в изменившихся условиях. В этом и заключается трагедия Никанора: воспитанный на старых правилах, он оказывается «не ко времени», не может приспособиться к жизни, найти выход из ситуаций, которые предлагает ему действительность. Вот почему во второй части герой словно «выпадает» из времени: он постоянно торопится и не успевает. Реплика героя: «Ето кажется мне невероятным, чтобы добродетельми исполненные люди были несчастны» (II, 21), — отражает, как нам кажется, авторские размышления о реальной действительности, в которой — в отличие от официальной литературы — далеко не всегда воздается должное добродетелям и заслугам.

Анализ взаимоотношений человека и мира в романе позволяет уточнить вопрос и о литературной традиции, осваиваемой автором «Несчастного Никанора». На наш взгляд, построение первой части соотносится со схемой античного (греческого) романа, в котором «действие сводится к преодолению внешних превратностей, выражающих власть Судьбы и игру случая»; во второй части улавливается некоторое сходство со средневековым романом, впервые рассматривающим «внутреннюю коллизию <. . .> конфликт „внутреннего“ человека с его социальной „персоной“, с его социальным статусом».[28]

Чем же объясняется такое последовательное влияние? Основной массив переводной литературы в 60—70-е гг. XVIII в. в России составляла «сентиментальная» повесть, возникшая веком раньше во Франции и Испании на основе взаимодействия рыцарского и греческого романов. «Безщастный Флоридор», «Нещастной француз, или Жизнь кавалера Беликурта», «Несчастные любовники, или Истинные приключения Графа Коминжа» — в этих и в многочисленных им подобных произведениях в меланхолическом тоне рассказывалось о верной целомудренной любви, преодолевающей внешние препятствия. Как и в «Несчастном Никаноре», сюжетообразующим в них является мотив «несчастной

[28] *Мелетинский Е. М.* Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М., 1986. С. 132, 154.

судьбы». Типологически сходными оказываются и мироощущение авторов, поведение героев, приемы повествования и т. д. Вместе с тем нельзя не заметить, что идея противостояния человека и судьбы, а затем человека и государства выражена в романе «Несчастный Никанор» более отчетливо. Рефлексия героя, сетования на судьбу являются в русском романе постоянным элементом повествования, в переводных же произведениях встречаются редко. На наш взгляд, это объясняется как биографической основой «Несчастного Никанора», так и влиянием просветительской идеологии.

Дальнейшим уточнением авторской картины мира, а также установкой на правоописание обусловлены новые акценты в изображении жизни, постепенная «подмена» героя и полное изменение поэтики в третьей части романа. Проблема «человек и мир» рассматривается в нравственном аспекте. В обществе, охваченном пороками зависти и сребролюбия, полностью нарушены родственные и человеческие связи: сестра обманом лишает Никанора всего состояния, жена отрекается от обнищавшего мужа; теща не желает помочь ему в беде; человек, представлявшийся воплощением «разума и честности» (III, 75), оказывается жуликом. В мире все непрочно: вчерашнее благополучие вдруг сменяется полной нищетой; любовь оборачивается равнодушием.

Заметную метаморфозу претерпевает и характер героя: если прежде Никанор пытался обмануть Судьбу, преодолеть жестокое бездушие Закона, то теперь он покоряется жизни, а в конце концов сам пытается стать плутом, использующим обстоятельства в своих целях. Однако его удел — терпеть поражение во всех столкновениях с жизнью, в отличие от традиционного плута, добивающегося обычно материального благополучия и успеха. На наш взгляд, несмотря на то что принципы организации сюжета в третьей части напоминают плутовской роман, сходство третьей части с романом Лесажа только внешнее.

Итак: античный и средневековый романы, усвоенные через посредство французской «сентиментальной» повести и с поправкой на просветительские идеи; схема плутовского романа, приспособленная для нравоописания, — как видим, в «Несчастном Никаноре» отразился весь процесс становления жанра романа. Думается, закономерность в последовательной смене этих литературных влияний отвечает самой логике развития мироощущения автора, рядового человека, эмпирически воспринимающего изменяющуюся историческую действительность.

Характеризуя пути развития русской прозы XVIII в., Ю. М. Лотман выделял два типа романа, исторически сменяющих друг друга: плутовской и просветительский (в двух разновидностях — философский и сатирический).[29] Анализ анонимного

---

[29] *Лотман Ю. М.* Пути развития русской просветительной прозы XVIII века // Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII века. М.; Л., 1961. С. 79—106.

романа «Несчастный Никанор» позволяет конкретно проследить, как изменение исторической действительности обуславливало формирование новых жанровых форм. Это произведение весьма условно можно назвать романом — жанр его не отличается определенностью, целостностью. Это, скорее, своеобразный жанровый конгломерат, в котором элементы различных жанровых структур (сюжетная схема рукописной прозы начала века, монологи классицистических трагедий, некоторые приемы журнальной сатиры, постоянные поэтические вкрапления, нравоописание, «чувствительная» проза) сложно взаимодействуют с реальным биографическим материалом. И вместе с тем это действительно роман, потому что его содержанием стала судьба частного человека в его столкновении с миром.

Известна мысль Гегеля о наличии двух типов состояния мира: героическое, при котором общество и индивид выступают как единое целое в решении основных проблем жизни; и «прозаически упорядоченная действительность», характерная для общества, в котором уже полностью сложились государственные институты, необходимые для осуществления общественного правопорядка, и в котором индивид не ощущает своей свободы и своего единства с целым — напротив, интересы индивида нередко вступают в противоречие с интересами целого, т. е. государства, которое подчиняет себе его членов.

Каждая схема — упрощение, и все же рискнем приложить гегелевский тезис к истории литературы XVIII в. Петровская эпоха — при всей ее сложности и противоречивости — это «героическое» состояние мира. Единство интересов общества и человека, прокламировавшееся идеологией абсолютизма, достаточно адекватно — хотя и различными художественными способами — выразилось и в «низовой» рукописной повествовательной прозе первой трети века, и в «высоких» жанрах классицизма, эпических по самому типу воплощения мироощущения эпохи.

Эпоха Елизаветы (время действия романа) и Екатерины II (время его создания) — это, если воспользоваться формулой Гегеля, «прозаически упорядоченная действительность». И мироощущение рядовых современников отразило происходившее изменение состояния мира, разъединение личного и общественного, т. е. возникновение почвы для нового жанра — жанра романа, формирование которого осуществлялось разными путями. Один из них — переосмысление традиционной повествовательной формы, использование приемов других литературных жанров — вызвал к жизни произведение анонимного автора «Несчастный Никанор».